

УДК 811

ББК 81.2

Д 84

Редакторы:

Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец

Утверждено к печати Ученым советом

Института языкознания РАН

Рецензенты:

к.ф.н. И. Г. Багирова, к.ф.н. Н. В. Сердобольская

Д 84 **Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова** / Ред. Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. М.: Буки Веди, 2021. — 480 с. — ISBN 978-5-6045633-5-9.

Сборник статей написан друзьями и коллегами доктора филологических наук, профессора Расула Османовича Муталова к его 60-летию. В сборник вошли статьи, принадлежащие различным направлениям лингвистики, относящихся к научным интересам юбиляра, включая дагестанские языки и в особенности языки даргинской группы, теорию грамматики, синтаксис, фонетику, дискурсивный анализ, лексикологию, социолингвистику, психолингвистику, сравнительно-историческое языкознание. На русском, даргинском и английском языках.

Статьябала жуз белкунси саби филологияла Гилмуртала доктор, профессор Расул Гусманович Муталовла гьалмагъунани ва барх бузутани ил 60 дус виънилис. Жузлиз кадерхурли сари юбилярла Гилмулалашалти пикруми-кьасаначи хаста мез руркъуси Гилмула деклар-декларти бяхIчибизунала белкIани, илкъяйда дагъиста ва хаслира даргала кьукъялизи кадурухути мезани, грамматикала теория, социолингвистика, психолингвистика, сравнительно-историческое языкознание. Урус, дарган ва англияла мезаначил.

The volume consists of papers written by friends and colleagues of Prof. Dr. Rasul O. Mutsalov on the occasion of his 60th birthday. The papers address issues in different branches of linguistics that have been focus of research interest for R. O. Mutsalov, including the Daghestanian languages and especially the languages of the Dargwa group, theory of grammar, syntax, phonology, discourse analysis, lexicology, sociolinguistics, psycholinguistics, historical-comparative studies. In Russian, Dargwa and English.

Дизайн обложки: *Кс. П. Семёнова*

В оформлении обложки использована фотография Андрея Бабаева

9 785604 563359

© Авторы, 2021

© Институт языкознания РАН, 2021

© Институт лингвистики РГГУ, 2021

ДАРГИНСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Ю. Б. Коряков

НИУ Высшая школа экономики / Институт языкознания РАН

В данной статье мне бы хотелось описать текущее положение дел с (лексикостатистической) классификацией даргинских языков.

Даргинские языки представляют собой один из тех интересных случаев, когда один народ (даргинцы) говорит на нескольких, довольно различных языках. В данном случае наличие нескольких взаимонепонятных языков не влияет на самосознание даргинцев как единого этноса. Этим они напоминают такие крупные этнические общности, как арабы, китайцы или армяне, каждая из которых также говорит на большом количестве языков.

Этносоциолингвистический подход в разграничении языков и диалектов приводит к тому, что языки даргинцев (как и других вышеупомянутых народов) низводят до статуса диалектов единого «даргинского» языка. Однако, с точки зрения собственно лингвистики многие даргинские «диалекты» взаимонепонятны друг с другом и с точки зрения общепринятого ныне в мировой лингвистике подхода («если две разновидности относят к одному языку, они должны быть взаимопонятны», ср., например, (Hammarström 2008)) должны считаться отдельными языками. Так, в работе (Malyshev et al. 2019), сравнивая взаимопонимание между носителями кайтагского, кубачинского, цудахарского, муиринского и севернодаргинского (акушинское наречие) языков, авторы приходят к выводу, что как минимум эти пять языков имеют уровень взаимопонимания такой, что должны считаться разными языками. К сожалению, пока не проведено исследований по взаимопониманию, которые охватывали бы достаточное количество даргинских идиомов, чтобы на их основе можно было бы построить полноценную классификацию. Поэтому в качестве модели, аппроксимирующей уровень взаимопонимания, мы используем метод на основе сравнения базовой лексики, предложенный в 2017 году (Коряков 2017). В его основе лежит сравнение 100-слов-

ных списков Сводеша — Старостина (Swadesh 1955; С. Старостин 2007: 784), для которого обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации (G. Starostin 2010; Kassian et al. 2010). В случае, если процент совпадений (ПС) по этим спискам между двумя идиомами оказывается выше 90 %, они считаются диалектами одного языка, если ниже — разными языками (диалектами разных языков). К настоящему моменту имеются списки из 41 селения, хотя в некоторых из них имеются довольно существенные лакуны. Селения, для которых имеются списки, указаны на карте жёлтыми квадратами. Большая часть списков собраны при полевой работе непосредственно с носителями соответствующих идиомов, в их сборе в той или иной мере принимали участие следующие лингвисты: Р. О. Муталов, Я. Г. Тестелец, О. И. Беляев, Д. С. Ганенков, М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, Э. А. Казимова, Ю. А. Ландер, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова, Г. А. Мороз, Г. Сулайбанов, Н. Р. Сумбатова, Д. Форкер. Меньшая часть списков взята из опубликованных работ: (Шахбанова 2007; Мирзамагомедова 2007; Магомедов, Саидов-Аккутта 2017; Темирбулатова 2004).

Тот факт, что даргинский язык представляет собой фактически группу языков, давно предполагался исследователями. Собственно, ещё в переписи 1926 года отдельно числились кубачинский и кайтагский языки. Пробные лексикостатистические подсчёты (Алексеев 1999: 156) показали, что фактически даргинский представляет собой целую группу языков, по глубине (минимальный ПС = 68%) сравнимую с германской, романской или славянской. Первый достаточно подробный анализ (Корняков 2002) выделил 11 языков. По мере поступления новых данных классификация даргинских языков уточнялась. В (Коряков 2006; Коряков, Сумбатова 2007) выделено 17 языков; в (Коряков 2012; Корняков 2013) их число сократилось до 12–13. В данной работе мы постулируем существование 15 отдельных языков. По мере дальнейшей полевой работы возможны новые изменения.

В принятой ниже таксономии внутри языков выделяются наречия (языковые единицы, довольно сильно отличающиеся друг от друга, но меньше, чем языки), диалекты (более близкие единицы внутри наречий) и говоры (единицы внутри диалектов, как правило соответствующие отдельным селениям). В то же время термин «диалект» может использоваться и как гипероним, в значении «любая языковая разновидность, входящая в язык».

1. Лингвогеография даргинских языков и диалектов

В данном разделе будет рассмотрено распространение отдельных языков, а также основных диалектов в традиционных областях распространения даргинцев. Для каждого языка даётся английское название, самоназвание (после знака @), территория распространения, численность говорящих в пределах традиционной территории, наличие монографических описаний, посвящённых данному языку или диалекту и некоторые другие сведения.

Численность населения рассчитывалась как сумма людей, указавших «даргинский язык» в качестве родного, в селениях, традиционно относящихся к данному языку. К этому также добавлялись даргиноязычные жители равнинных поселений при наличии сведений, что в данном селении большинство даргинцев составляют выходцы из одного языкового ареала. Наконец, для небольших языков, носители которых полностью или почти полностью переселились на равнину, указывались примерные оценки их численности.

Языки сгруппированы в четыре группы: северо-центральную, южную, чирагскую и кайтагскую. Более детально классификацию даргинских языков и некоторых наречий можно посмотреть на схеме № 1, а распространение — на карте № 1.

Северно-центрально-даргинская группа

Северо-центральная группа включает крупное ядро — северно-даргинский язык и периферийные языки — муиринский, гапшиминский, мегебский, цудахарский и усиша-бутринский. Последние два языка довольно близки друг к другу (89%), наиболее удалённым от всех северо-центральных языков выглядит мегебский, остальные более-менее одинаково далеки друг от друга. Кроме того, гапшиминский и усиша-бутринский имеют подскоки в процентах совпадений с тантынским и сирхинскими, что выглядит как контактное явление.

Севернодаргинский язык (*Northern Dargwa*) — самый крупный даргинский язык, как по числу носителей, так и по занимаемой территории. Он занимает восток Левашинского, центр и северо-восток Акушинского, весь Сергокалинский, юг Карабудахкентского, юго-восток Буйнакского и отдельные участки Каякентского районов. Численность носителей в пределах традиционной территории оцени-

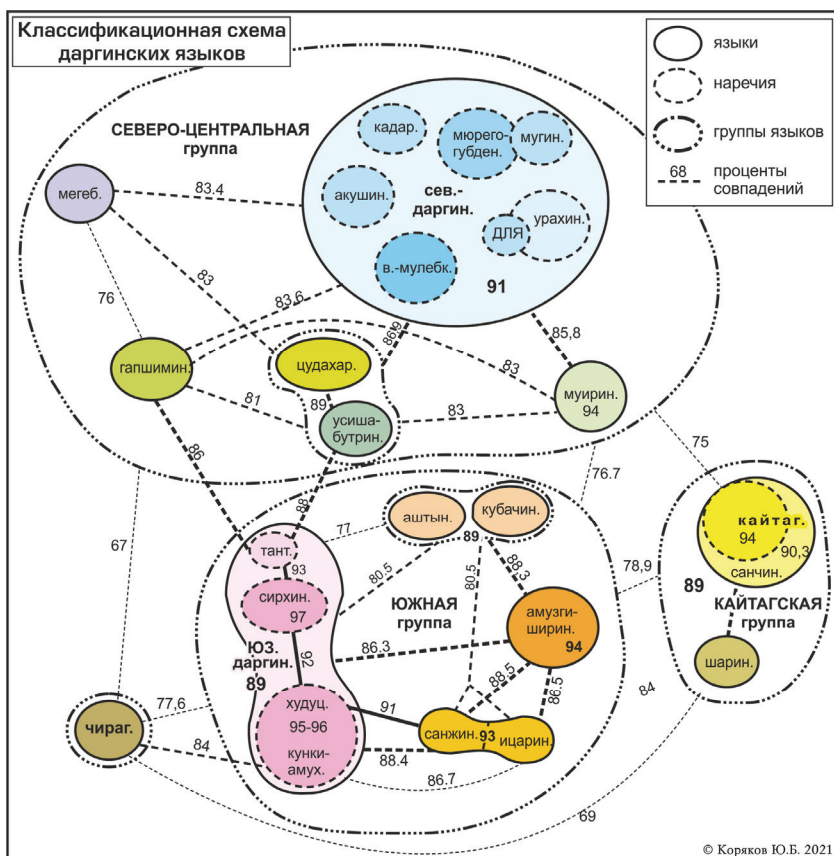

Схема 1. Классификационная схема даргинских языков

вается в 133 тыс. чел. Именно на основе диалектов этого языка (в основном акушинского и урахинского) был создан *даргинский литературный* язык. Севернодаргинский включает несколько наречий, близость между которыми чуть выше грани между языком и диалектом (ПС около 91%):

— акушинское наречие (акушинско-левашинское; *Aqusha*; @ ахъушан / ахъушала лугъат, *aqushan* / *aqushala lukat*) — центр Акушинского и восток Левашинского районов;

— урахинское наречие (кабинское, хюркилинское; *Urakhi*, *Qaba*; @ хIурхъила лугъат, *huʳqila lukat*) — крупнейшее наречие, занимает

Карта 1. Распространение даргинских языков

большую часть Сергокалинского и некоторые части Каякентского районов; описанию именно этого наречия (под названием хюркилинского) посвящено первое монографическое описание одного из даргинских языков — (Услар 1892);

— верхнемулебинское наречие (кебах-мулебинское; *Upper Mu-lebki*) — с. Верхние Мулебки на северо-востоке Акушинского района;

— мюрего-губденское наречие (мюрегинское; *Murego-Gubden*) — 24 селения на востоке Левашинского, юге Карабудахкентского и севере весь Сергокалинского районов;

— мугинское наречие (*Mugi*; @ мухIела, muhela) — селение Муги на севере *Акушинского* района;

— кадарское наречие (*Kadar*; @ гьадаран, kadaran) — 6 селений на юго-востоке Буйнакского района.

Интересно, что хотя считается, что литературный даргинский основан на акушинском, по данным лексикостатистики он оказывается более близким урахинскому. В то же время верхнемулебкийский, традиционно относимый к мугинскому (90%) или урахинскому (91%) диалектам, оказался более близким к мюрего-губденскому (93%).

Цудахарский язык (*Tsudaqar*; @ цIудхърила мец, s'udqrla mec) — занимает нижние течения р. Казикумухское Койсу и впадающей в неё р. Акуша на юго-западе Левашинского и северо-западе Акушинского районов. Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 33 тыс. чел. (2010).

Усиша-бутринский язык (*Usisha-Butri*) — распространён в селениях Усиша, (возможно, также в Зильмукахи), Геба, Гинта, Куркимахи и Бутри, находящихся в среднем и верхнем течении р. Дарго-лакотты на востоке Акушинского района. Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 8 тыс. чел. (2010).

Гапшиминский язык (*Gapshima*; @ xIабшила мец, habşıla mec) — распространён в селениях Гапшима и Шукты на западе Акушинского района (средне-верхнее течение р. Акуша). Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 2,3 тыс. чел. (2010).

Муиринский язык (*Muira*; @ муйрала гъай, mujrala kaj) — распространён более чем в 20 сёлах на севере Дахадаевского и северо-западе Кайтагского районов. Значительное число выселок расположено на территории Каякентского и Дербентского районов. Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 35 тыс. чел. (2010).

Меgebский язык (*Mehweb*; @ мехIвела мез, meh^wela mez) — язык селения Меgeb, находящегося в аварско-лакском окружении в Гунибском районе. Единственный даргинский язык, носители которого в качестве литературного языка используют аварский. Численность

ок. 1300 чел., из них в Мегебе — 845 чел., также кутан Нижний Мегеб в Кизлярском р-не. Мегебскому языку посвящены две монографии: (Магомедов 1982; Daniel et al. 2019).

Южнодаргинская группа

Эта группа устроена иначе. Языки этой группы образуют классический языковой континуум (развитие диалектного континуума): крайние точки Ашты и Танты, между которыми тянется цепочка селений с почти равномерно одинаковыми процентами схождения: Ашты — Кубачи — Санжи — Ицари — Худуц — Кунки — Амух — сирхинские селения (Урари и др.) — Танты. Соответственно, чем дальше друг от друга селения в этой цепочке, тем меньше процент совпадений между ними. Так, если между каждой парой соседних селений ПС не опускается ниже 91%, то с увеличением расстояния он становится всё меньше и между крайними точками (Ашты и Танты) составляет всего 76% (нагляднее см. на схеме № 1).

Причём этот континуум не позднего ареального происхождения:

- географическое положение Ицари/Санжи и Амуха не совпадает с их положением в этой цепочке;

- Ашты уже довольно долго находится в окружении верхне-вуркунских селений, но имеет с ними минимальные проценты совпадений;

- сами эти селения (Кунки, Худуц и Амух) хоть и разделены аштынской территорией, но имеют довольно высокий ПС между собой (94–96%).

В то же время, по предварительным данным, южная группа, возможно, не образует собственно генетического единства, а является так называемым линкиджем (англ. *linkage*). Линкидж — это часть потомков языкового континуума, носители одного или нескольких других потомков которого покинули основную территорию. Оставшиеся члены изначального диалектного континуума (языкового комплекса), развиваясь самостоятельно, продолжают обмениваться некоторыми чертами и инновациями, так что со временем возникает некоторое подобие генетического единства. Однако его общие характеристики оказываются либо унаследованными архаизмами (часто утраченными в отселившихся членах языкового комплекса), либо объединяют лишь часть членов комплекса, обычно ближайших со-

седей. Примером линкиджей являются центрально-малайско-полинезийские, балтийские, северно-эфиосемитские языки.

Более-менее надёжно можно выделить пять языков: юго-западно-даргинский, санжи-ицаринский, амузги-ширинский, кубачинский и аштынский, а также предположительно санакари-чахрижский язык.

Юго-западно-даргинский язык (ЮЗД; *South-Western Dargwa*) — условное название языка, включающего ряд близких идиомов, ранее рассматривавшихся как два или три разных языка: танты-сирхинский и верхневуркунский (ранее кункинский и амухский). Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 14 тыс. чел. (2010). Включает:

— **тантынское** наречие (тантинское; *Tanti*; @ tʰantʰala мец, tʰantʰala мес) — с. Танты (юго-запад Акушинского района), 0,8 тыс. Подробно описано Н. Р. Сумбатовой и Ю. А. Ландером (Сумбатова, Ландер 2014).

— **сирхинское** наречие (сиргинское, сюргинское, серхинское; *Sirhwa*; @ ссерхIяла мец, sʰerhaʰla мес) — более 50 селений на западе Дахадаевского и юге Акушинского районов. Многие периферийные сёла (особенно в Акушинском районе) совершенно не изучены и могут скрывать неизвестные наречия и даже языки.

— **верхневуркунское** наречие (верхневуркунийское, амухско-ху-дуцско-кункинное; *Upper Vurqni*) — четыре селения в верхнем бассейне р. Уллучай: Кунки и Худуц (юг Дахадаевского района), Анклух и Амух (север Агульского района). Занимает верхнюю часть исторической области Вуркун (Буркун-Дарго), откуда и образовано название. Все жители Анклуха и большая часть Амуха переселились в город Дагестанские Огни и в село Чинар Дербентского района.

Санжи-ицаринский язык (нижневуркунский; *Sanzhi-Itsari*) — включает два наречия: санжинское (@ сунглан гъай, sunglan kaj) и ицаринское (@ ицIран гъай, icʰran kaj), которые были распространены в селениях Санжи и Ицари на юго-востоке Дахадаевского района. Все носители выселились на равнину, общую численность можно оценить в 1,5–2 тыс. чел. По обоим наречиям существуют грамматики: (Sumbatova, Mutalov 2003) и (Forker 2020), по санжинскому — онлайн словарь (<https://dictionaria.clld.org/contributions/sanzhi>).

Санакари-чахрижский язык (*Sanakari-Chakhrizhi*) — был распространён в селениях Санакари и Чахрижи (Джахри), располагав-

шихся ниже Ицари по течению Уллучая, на границе с Кайтагским районом. Сейчас жители обоих селений живут в городе Зеленоморск (к югу от Махачкалы), общая численность даргинцев в котором составляет 900 чел. (2010). Никаких данных по этому языку пока не собрано, поэтому даже неизвестно, относится ли он к южной группе или к кайтагской.

Амузги-ширинский язык (*Amuzgi-Shiri*) — включает два наречия: амузгинское (@ гІамузгъан гъай, ʔaʔmuzɣan ɣaj) и ширинское (@ хъхьеран гъай, xʰɛɾan ɣaj), изначально распространённых в двух селениях — Амузги и Шири (на картах называется Шари) — в нижнем течении р. Кинтуракотты (центр Дахадаевского района). Почти все амузгинцы и ширинцы переселились на равнину, в Шири и на хуторе рядом с Амузги осталось несколько семей. Общая численность — ок. 1500–2000 чел. Лишь недавно открыт для науки О. И. Белявым (2019).

Кубачинский язык (*Kubachi*; @ гІюгъбугъан куб/гъай, ʔyʰɣʙugan kub/ɣaj) — язык крупного посёлка Кубачи (2781 ч.), ещё несколько тысяч по всей России. У кубачинцев развито собственное самосознание, и их идиом — единственный из даргинских, за которым признаётся право именоваться языком. Возможно, к кубачинскому относится также неисследованный диалект с. Сулевкай, жители которого переселились в с. Сулевкент (2129 ч.) на севере Хасавюртовского района. Данный язык описан в монографии А. А. Магомедова (1963).

Аштынский язык (*Ashti*; @ иштІан гъай, iʃtʰan ɣaj) — язык селений Ашты и Дирбакмахи на юге Дахадаевского района. Считается, что его носители переселились из Кубачей, однако, по данным лексикостатистики, это могло случиться более тысячи лет назад. Свыше 600 чел. числилось в 2010 в двух горных селениях, часть переселилась на равнину.

Чирагская группа

Чирагский язык (*Chirag*; @ хъаргънилла, xarɣnilla kub) — язык с. Чираг в верховьях р. Чирагчай (запад Агульского района). Значительная часть жителей также выселилась в Каспийск. Общую численность можно оценить в 2,1–2,4 тыс. чел., из них ок. 150 чел. в горах, остальные на равнине. Активно изучается Д. С. Ганенковым, см., например, (Ganenkov 2016).

Кайтагская группа

Традиционно считалось, что в эту группу входит только один язык, однако недавний ввод в научное обращение данных шаринского языка показал, что он тоже входит в эту группу.

Кайтагский язык (хайдакский; *Kaytag, Kajtak, Kaytak*; @ хайдакля гъай, *χajdaq'la kaj*¹) — язык 37 селений, занимающих большую часть Кайтагского района (кроме севера). Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 24 тыс. чел. (2010). Развито кайтагское самосознание, ещё в переписи 1926 года числился отдельным языком. Описанию этого языка посвящена монография С. М. Темирбулатовой (2004).

Шаринский язык (*Shari*) — язык бывшего села Шари на севере Агульского района, все жители которого переселились в район возле Махачкалы. Общая численность — ок. 1200 чел. Лишь недавно данные этого языка были введены в научный оборот Р. О. Муталовым (2017).

2. Анализ предыдущих классификаций

Диалектно-языковая раздробленность даргинского ареала давно бросалась в глаза исследователям. Первым, кто попытался классифицировать даргинские диалекты, был П. К. Услар (1892: 1–6). Он выделял следующие языки (даргинская орфография Услара переведена в современную):

— акушинский, с наречиями частно-акушинским, цудакарским, усишинским, мугинским, микигинским, кява (хюркилинским, = урахинским), муиринским, гапшиминским, мегебским;

— сирхинский (сирхIвa), про который Услар пишет, что оно «подходить къ ус'иша»;

— хайдакский (= кайтагский);

— кубачинский (гIарвукI) — в обществах ХIанк (1055 дворов из 1685, остальные — урахинский) и ГIуцIари (259 дворов; имеется в виду Ицари);

— вуркунский (вуркьун) — селения Ашты, Кунки, Худуц, Санжи, Анклух, Амух;

¹ Только для носителей нижнекайтагских говоров.

— чирахский (хьугьул) — Услар пишет, что «наречие подходит к Вуркун даргва».

Эти языки он объединяет в три группы: акушинскую (акушинский и сирхинский), вуркунскую (кубачинский, вуркунский и чирагский) и хайдакскую. При этом Услар признаёт, что «классификация наречий основана не на специальном изучении каждого из них, а на голословных показаниях туземцев, которые вообще плохие судьи во флёр сравнительной лингвистики», и что данных о вуркунских наречиях слишком мало, чтобы делать однозначные выводы.

Услар, видимо, первым предложил использовать название «даргинские наречия» для всей совокупности даргинских языков, потому что до этого у этой группы не было общего названия, а термин «дарга» использовался в географическом смысле лишь для некоторых из даргинских земель.

Тремя годами спустя Эркерт упоминает сильно меньше диалектов «северо-восточной или даргинской группы» и выделяет пять диалектов:

1) Диалект Варкун (*Varkun/Burkun/Vurkun-Dargua*), включая сюда диалект селений Урари, Кунки (называя его сирхинским (*surxinisher*)) и диалект селения Ашты (*Ašti*).

2) Кара-Кайтагский (*Kara-Kajtaxischer, Xajdaqischer*) диалект, про который пишет, что он наиболее близок варкунскому и кубачинскому.

3) Диалект сел. Кубачи (*Kubači, Khubači*).

4) Диалект Акуша-Дарга (*Akuša-Dargua*), включая собственно акушинский, урахинский (*Xürkilinischer, Hyrkanischer*) и мекегинский (*Mekegé, Mixagé*).

5) Маджалисско-кайтагский диалект (*Madžalis-Kajtax, Mūra-Sprache*), про который пишет, что он близок акушинскому.

Эти пять диалектов он затем объединяет в две группы: варкунскую (1, 2 и 3) и акушинскую (4 и 5) (Erckert 1895: 87–140).

Эта классификация в целом похожа на усларовскую, с той разницей, что вместе объединяются сирхинские и вуркунские диалекты, чирахский не упоминается, а хайдакские делятся почему-то на две группы. Возможно, под маджалисско-кайтагским скрывается не один из кайтагских диалектов, а, например, муиринский (носители которого составляли значительную часть населения Маджалиса), что также подтверждается вторым названием этого диалекта — *Mūra*.

Лишь спустя полвека учёные вернулись к вопросам группировки даргинских идиомов. С. Л. Быховская (1940: 85), а вслед за ней и С. Н. Абдуллаев (1954: 9–11) делили все даргинские диалекты на две

группы: диалекты акушино-урахинского (АУ) и цудахарского типов на основании единственного признака — наличия/отсутствия геминированных согласных (преруптивов). Акушино-урахинская группа включала акушинский, урахинский, мекегинский, кадарский, губденский, нижнемулебкинский (с гергинским) диалекты. Цудахарская группа — цудахарский, бутринский, усишинский, гинтинский, сургинский (= сирхинский, иногда вкл. Худуц), кайтагский, мугинский (с верхнемулебкинским), муиринский, тантинский, гапшиминский (вкл. шукдинский и мегвинский), кубачинский (вкл. Ашты, Сулерки и Амузги), кункинский, амухский, чирагский, мемугинский (= мегебский) диалекты.

В то же время Ш. Г. Гаприндашвили (1948; 1952) предлагал делить даргинские диалекты на три группы: акушинскую (акушинский, губденский и др. говоры), урахинскую (аулы Урахи, Сергокала) и цудахарскую. В последней он выделяет а) собственно цудахарский диалект (речь аулов Цудахар, Хаджалмахи и др.); б) кайтагский диалект с двумя говорами: верхнекайтатским (речь аулов Шилаги, Барсит, Цириц и др.) и нижнекайтагским (речь аулов Баршамай, Рука, Чибанчи, Санчи, Джавгат, Карацан и др.); и в) кубачинский диалект, из которого выделяется говор аула Ашты.

Т. е. фактически диалекты одной группы (или даже двух у Гаприндашвили) соответствуют в современной классификации одному севернодаргинскому языку (ещё и без мугинского и верхнемулебкинского наречий), а диалекты цудахарской группы — всем остальным языкам. Позднее Гаприндашвили (1956: 4) добавил ещё одну группу — переходного типа, однако не уточнил, какие диалекты туда включаются.

Наконец, С. М. Гасанова (1971) отказалась от примитивной бинарной (или тернарной) схемы и разделила даргинские диалекты на 13 групп (см. таблицу 1).

В классификационной схеме Гасановой (см. схему 2) по-прежнему диалекты, соответствующие севернодаргинскому языку, представлены чрезмерно подробно. Группа III сформирована по остаточному принципу после выделения из неё почти всех южных диалектов. Не представлены диалекты южных селений Амузги, Шири, Кунки, Худуц, Санакари и Чахрижи. Но несмотря на эти недостатки, классификация Гасановой была несомненным прорывом в даргинской диалектологии.

Таблица 1. Диалектные группы (ДГ) по Гасановой (1971)

I. ДГ акушинского типа	VIII. ДГ кубачинского типа
II. ДГ урахинского типа	1. Кубачинский диалект
III. ДГ цудахарского типа	а) кубачинский говор
1. Цудахарский диалект	б) аштинский говор
а) цудахарский и б) куппинский го- воры	в) сулевкентский говор
в) тантинский говор	IX. ДГ санжинского типа
2. Гапшиминский диалект	1. Санжинский диалект
3. Усишинский диалект	2. Ицаринский говор
4. Бутринский диалект	X. ДГ кайтагского типа
5. Хинтинский диалект	XI. ДГ мугинского типа
6. Хебинский диалект	а) мугинский говор
IV. ДГ муиринского типа	б) верхнемулебкинский говор
V. ДГ сирхинского типа	XII. ДГ амухского типа
VI. ДГ мюрегинского типа	1. Амухский диалект — с. Амух
VII. ДГ кадарского типа	2. Чирагский диалект — с. Чираг, Анклух, Шари
	XIII. Мегебский диалект

3. Ориентиры будущих исследований

Уточнение и доработка классификации даргинских языков возможны в нескольких направлениях. Прежде всего, ощущается острая нехватка стословных списков по следующим селениям: Шукты, Санакари, Чахрижи (жители двух последних переселились в Зеленоморск), желательно также Дирбакмахи, Анклух, Герхмахи, Верхние Лабкомахи. Списки из Усиши, Бутри, Худуца собраны не полностью и требуют доработки. В целом, довольно мало списков по цудахарскому, усиша-бутринскому, кайтагскому языкам и акушинскому наречию. Почти полностью отсутствуют списки по сирхинским селениям Акушинского района (часть из них может оказаться ближе к тантынскому наречию) и муиринским селениям Кайтагского района.

С другой стороны, необходимо выявить фонетико-морфологические инновации и построить на их основе параллельную классификацию, сравнив её с имеющейся лексикостатистической. Именно в этом направлении работает Р. О. Муталов, который предлагает создать «грамматическую базу из 100 (или более) основных морфологических и синтаксических явлений... по всем даргинским идиомам» и на её основе выявить «изоглоссы распространения тех или иных морфем и грамматических категорий» (Муталов 2020).

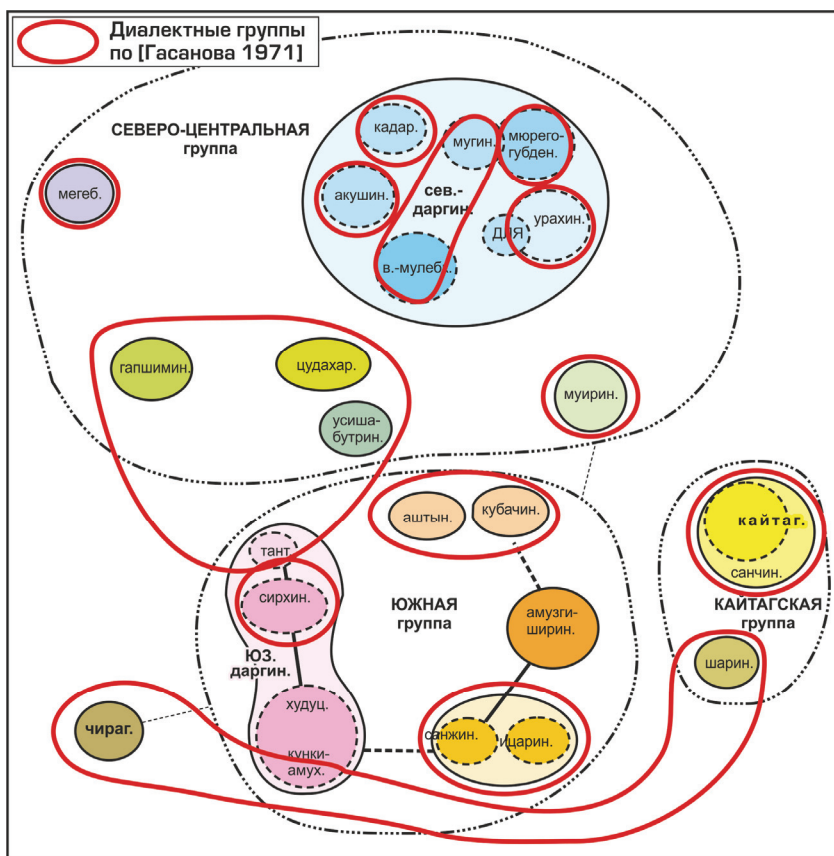

Схема 2. Соотношение текущей классификации и диалектных групп по Гасановой (1971)

Литература

- Абдуллаев С. Н. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
- Алексеев М. Е. 1999. Нахско-дагестанские языки. *Языки мира: Кавказские языки*. М.: Academia, 156–165.
- Беляев О. И. 2019. Место ширинского и амузгинского среди диалектов даргинского языка. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. Т. 2, № 24, 20–38.
- Быховская С. Л. 1940. Пережитки *inclusiv*-а и *exclusiv*-а в даргинских диалектах. *Язык и мышление*, т. IX. М. — Л., 85–100.
- Гаприндашвили Ш. Г. 1948. Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка (по данным говора аула Ходжал-Махи). В сб.: *Языки Дагестана*, вып. I. Махачкала: Изд. Дагестанской Базы Академии наук СССР, 105–134.
- Гаприндашвили Ш. Г. 1952. К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка. В сб.: *Тезисы докладов III (IX) научной сессии Института языкознания АН ГССР*. Тбилиси.
- Гаприндашвили Ш. Г. 1956. *Фонетика даргинского языка по данным диалектов*. Автореферат докт. дисс. Тбилиси.
- Гасанова С. М. 1971. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала: Дагестанский филиал Академии Наук СССР Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.
- Коряков Ю. Б. 2006. *Атлас кавказских языков*. М.: Институт языкознания РАН.
- Коряков Ю. Б. 2012. *Лексикостатистическая классификация даргинских языков*. Доклад на московском семинаре по нахско-дагестанским языкам под руководством Н. Р. Сумбатовой, 30.10.2012.
- Коряков Ю. Б. 2017. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания*, №6, 79–101.
- Коряков Ю. Б., Сумбатова Н. Р. 2007. Даргинские языки. *Большая российская энциклопедия*, том 8. — М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 328–329.
- Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И. 2017. *Кубачинско-русский словарь*. М.: Наука.
- Магометов А. А. 1963. *Кубачинский язык*. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР.
- Магометов А. А. 1982. *Мегебский диалект даргинского языка (Исследование и тексты)*. Тбилиси: Мецниереба.
- Мирзамагомедова Р. М. 2007. *Фонетические и именные особенности нижнемулебгинского говора даргинского языка*: автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала.

- Муталов Р. О. 2020. К проблеме разграничения даргинских языков и диалектов. *The Newman In Foreign Policy*. № 57 (101), Vol. 6.
- Муталов Р. О. 2017. Падежная система шаринского диалекта даргинского языка. *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XIII, Ч. 1, 751–773.
- Старостин С. А. 2007. О доказательстве языкового родства. В: Старостин С. А. *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, 779–793.
- Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. 2014. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры.
- Темирбулатова С. М. 2004. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН.
- Услар П. К. 1892. *Хюркилинский язык*. (Этнография Кавказа. Языкознание. V). Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа.
- Шахбанова Д. Н. 2007. *Бутринский говор даргинского языка: фонетические и морфологические особенности*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала.
- Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). 2019. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax* (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.
- Erckert R. 1895. *Die Sprachen des kaukasischen Stammes. T. II. Sprachproben untl grammatische Skizzen*. Wien.
- Forker D. 2020. *A grammar of Sanzhi Dargwa* (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press.
- Ganenkov D. 2016. *Cases in Chirag Dargwa*. Paper presented at the Linguistische Werkstatt, Universität Bamberg, 20 January 2016.
- Hammarström H. 2008. Counting languages in dialect continua using the criterion of mutual intelligibility. *Journal of Quantitative Linguistics*. Vol. 15. No. 1, 34–45.
- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. 2010. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*. No. 4, 46–89.
- Koryakov Y. B. 2002. *Atlas of the Caucasian languages*. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
- Koryakov Y. B. 2013. Convergence and divergence in the classification of Dargwa languages. In: *46th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE 2013). 18–21 September 2013. Book of abstracts*. Part 1. Split: University of Split.
- Malyshev V., Malysheva V., Gutz A., Novaya I., Panina A., Yurkova A., Clifton J. M. & Tiessen C. 2019. The Sociolinguistic Situation of the Dargwa in Dagestan. *SIL Electronic Survey Report 2019-011*. Dallas: SIL International, 2019.
- Starostin G. 2010 — Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship*. No. 3, 79–116.
- Sumbatova N. R., Mutafov R. O. 2003. *A Grammar of Içari Dargwa*. [Languages of the World Series 92]. München — Newcastle: LINCOM Europa.
- Swadesh M. 1955. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*. 1955. Vol. 21. No. 2, 121–137.

СОДЕРЖАНИЕ • БУХІНАБУЦ • CONTENTS

<i>Андрей Кибрик. Предисловие</i>	5
<i>Абдулла Абдуллаев. Юлдаш Расул</i>	9
<i>М. Р. Багомедов. Дарган мез руркънила масъулти ва челякъла</i> <i>(Проблемы и перспективы изучения даргинского языка)</i>	10
<i>О. И. Беляев. Два типа фарингализации в ширинском даргинском:</i> <i>предварительные наблюдения</i>	18
<i>Н. Э. Гаджихамедов. Даргинское влияние</i> <i>на фонетику кайтагского диалекта кумыкского языка</i>	30
<i>С. Н. Гасанова. Особенности репрезентации эмотивных</i> <i>фразеологизмов агульского языка с телесным кодом культуры</i>	39
<i>У. У. Гасанова. Хайдакская сказка «Духху рирси»</i>	45
<i>М. А. Даниэль. Дом там, где ноль</i>	53
<i>Н. Р. Добрушина. Пассивный билингвизм в даргинских селениях</i>	73
<i>А. Н. Закирова. Согласование по числу в андийских диалектах:</i> <i>глагол</i>	94
<i>К. И. Казенин. Межэтнические различия по рождаемости</i> <i>в Дагестане: динамика и ее возможные причины</i>	115
<i>Ю. Б. Коряков. Даргинские языки и их классификация</i>	139
<i>Ю. А. Ландер, М. Х. Мамаев. Тантыньские сравнительные</i> <i>конструкции: особенности структуры и функционирования</i>	155
<i>А. Б. Летучий. Русские номинализации в позиции зависимого</i> <i>и дифференциальное объектное маркирование</i>	166
<i>Е. А. Лютикова. Согласование по косвенности в дагестанских</i> <i>языках: эскиз синтаксической модели</i>	187
<i>М. А. Магомедов. Отображение особенностей женской</i> <i>и мужской речи в морфологической системе аварского языка</i>	214
<i>Т. А. Майсак. «Грамматика притворства»:</i> <i>к внутригенетической микротипологии одной конструкции</i> <i>в нахско-дагестанских языках</i>	220
<i>G. A. Moroz. Length of East Caucasian subject indexes:</i> <i>a quantitative research</i>	258

<i>К. Наккарато, С. Ферхеес.</i> Доброе утро, проснулись?	
Утренние приветствия в языках Дагестана	283
<i>Maria Polinsky.</i> Some remarks on the Nakh-Dagestanian	
affective construction	299
<i>Н. Р. Сумбатова.</i> «Нулевые» корни глаголов в муиринском языке	
даргинской группы	324
<i>С. Г. Татевосов.</i> «Не Магомед не пришел»:	
о семантике расщепленного ‘только’	346
<i>Я. Г. Тестелец.</i> О структуре глагольных основ в цезских языках	365
<i>Daniel J. Wilson.</i> A sketch of Sagada morphology	386
<i>О. В. Федорова.</i> Психолингвистика в Дагестане	411
<i>Diana Forker.</i> The imperfective aspect in Sanzhi Dargwa	431
<i>Marina Chumakina.</i> The agreeing emphatic particle in Archi	452
<i>Нина Кибрик.</i> Расул	474

Дурхъаси хазна
Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова

Редакторы
Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец

Оформление обложки
Кс. П. Семёнова

Оригинал-макет
В. Ю. Гусев